

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 2. Издание 1898 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 2. Издание 1898 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 127 с.

ISBN 978-5-4241-6607-5

ISBN 978-5-4241-6607-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Грихья-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры.

Сравнительное языковѣдѣніе со своими неопровержимыми выводами о родствѣ индоевропейскихъ языковъ, вызвало въ жизни новую науку, которая имѣетъ цѣлью возстановить первоначальную жизнь праиндоевропейскаго народа. Если путемъ сравненія словъ индоевропейскихъ языковъ можно возстановить слова праязыка, изъ которыхъ развились слова сравниваемыхъ языковъ, то совершенно естественно является вопросъ: не свидѣтельствуютъ-ли эти слова о томъ, что праиндоевропейскій народъ зналъ предметы, называемые ими? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно невозможно. А отсюда очень легко сдѣлать выводъ (мы не касаемся при этомъ вопроса, насколько справедливъ такой выводъ), что путемъ сопоставленія словъ мы можемъ дойти и до возстановленія всей обстановки жизни нашихъ индоевропейскихъ предковъ: окружающей ихъ природы, ихъ утвари, образа жизни, занятій, обычаевъ, религіи и проч. Такія мысли и вызвали довольно рано попытки нарисовать по возможности полную картину жизни праиндоевропейскаго народа. Здѣсь мы не будемъ входить въ критику добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній, а укажемъ только на одну слабую сторону этихъ изслѣдованій. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей науки стала сказываться неполнота добытыхъ свѣдѣній. Добываемые съ большимъ трудомъ остатки общеиндоевропейской культуры оказывались настолько бѣдны, что изъ нихъ нельзя было склеить и плохой мозаичной картины. Если эта картина все-таки получалась, то только благодаря болѣе или менѣе живой фантазіи ея творцовъ. Однако такое положеніе не могло долго просуществовать, такъ какъ фантазіи очень скоро разрушались при малѣйшемъ привосновеніи критики. Поэтому самые серьезные представители новой науки рѣшили ограничиваться пока добываніемъ новыхъ

данныхъ для будущей картины или возстановлять ее при помощи другихъ болѣе надежныхъ средствъ, чѣмъ собственная фантазія. Такъ, напр., во второмъ изданіи своей книги «Sprachvergleichung und Urgeschichte» Шрадеръ сопоставляетъ данныя, добытыя лингвистическимъ путемъ, съ остатками швейцарскихъ свайныхъ построекъ и высказываетъ предположеніе, что это и есть остатки культуры общихъ предковъ европейской группы индоевропейскихъ народовъ. Онъ же пользуется еще и сравнительнымъ изученіемъ обычаевъ этихъ народовъ. Однако, какъ мнѣ кажется, о значеніи этого подспорья при возстановленіи картины первоначальной общей жизни индоевропейцевъ у нашихъ изслѣдователей нѣтъ опредѣленнаго, точнаго представленія. Мнѣ кажется даже, что сравнительное изученіе обычаевъ оказывало ученымъ услугу помимо ихъ собственнаго сознанія: сопоставленія извѣстныхъ сходныхъ обычаевъ существуютъ уже, и изслѣдователь, сопоставляя слова, вкладываетъ въ нихъ содержаніе, извѣстное уже ему изъ сопоставленія обычаевъ. Такимъ образомъ выводъ, къ которому приходитъ ученый, до извѣстной мѣры уже существовалъ въ сравниваемыхъ обычаяхъ. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ, и онъ прямо приведетъ насъ къ нашей темѣ.

Какъ странно было-бы въ настоящее время сказать, что цѣль сравнительнаго языковѣдѣнія заключается въ возстановленіи языка, которымъ говорили наши общіе предки. Центръ тяжести науки въ настоящее время перешелъ на сравнительное изученіе фактовъ отдѣльныхъ языковъ. Если при этомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ праязыкѣ существовала такая-то система звуковъ, такія-то формы словъ и такія-то синтаксическія сочетанія, то это есть результатъ нашего изслѣдованія, результатъ очень важный, но почему мы стали-бы придавать ему значеніе цѣли всего изслѣдованія? Неужели только потому, что это древнѣйшая доступная намъ ступень въ историческомъ развитіи индоевропейскихъ языковъ? Этого, конечно, еще очень мало. Въ настоящее время никто не станетъ спорить противъ того, что возстановленіе праязычныхъ формъ находится въ полной зависимости отъ точности изслѣдованій отдѣльныхъ языковъ. Поэтому сравнительный языковѣдъ обыкновенно восходитъ къ древности отъ фактовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Совершенно тоже самое можно сказать и о сравнительномъ изученіи обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ составляло цѣль этого изученія. Это—самая трудная задача его, къ рѣшенію которой мы можемъ прийти только путемъ тщательнаго сравнительно историческаго изслѣдованія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. И это совершенно понятно. Картина жизни индоевропейцевъ должна быть возстановлена; ея не существуетъ на са-

момъ дѣлѣ. Всякое возстановленіе зависитъ отъ точности нашихъ знаній въ тѣхъ областяхъ, которыя даютъ матеріалъ для возстановленія этой картины. Словомъ сказать, нельзя называть цѣлью науки возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ уже потому, что въ этой картинѣ не будетъ и не можетъ быть ничего новаго для насъ. Въ ней будетъ только то, что мы сумѣли добыть изъ изученія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ и не индоевропейскихъ народовъ. Однимъ словомъ изученіе должно быть направлено не на тѣ отдѣльныя стороны обычаевъ, которыя даютъ поводъ къ сопоставленіямъ, а на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ, — изученіе по возможности всестороннее, т. е. въ связи со всѣми окружающими обычай условіями жизни даннаго народа. Я потому обращаю особенное вниманіе на это послѣднее требованіе, что возведеніе какого-нибудь обычая въ достоинство индоевропейскаго обычая ни на іоту не двигаетъ впередъ нашего знанія. Это только фигуральное выраженіе того факта, что данный обычай мы находимъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ. Наше пониманіе обычая остается все на той же примитивной ступени, на которой было и раньше. А изслѣдованіе обычая въ его исторической обстановкѣ и сравненіе аналогичныхъ обычаевъ (тоже предварительно обследованныхъ) другихъ индоевропейскихъ народовъ, дастъ намъ не только выводы относительно принадлежности обычая къ праиндоевропейской старинѣ, но и прочныя историческія точки опоры для объясненія возникновенія и развитія этого обычая. Наконецъ задача наша усложняется еще и тѣмъ, что мы должны здѣсь болѣе, чѣмъ въ сравнительномъ языкознаніи, считаться съ возможностью заимствованія обычая у другого народа. Здѣсь не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на существенную разницу между результатами, добытыми сравнительнымъ языкознаніемъ и результатами изслѣдованія индоевропейской культуры. При помощи сравнительнаго языкознанія мы научились возстановлять праязычныя формы, совершенно отличныя отъ исторически засвидѣтельствованныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ до сихъ поръ ничего въ области изслѣдованій индоевропейской культуры, что можно было-бы сравнить съ вышеупомянутыми выводами языкознанія. Мы просто переносимъ на индоевропейцевъ нѣкоторыя историческія черты, — ступень, на которой находилось и языкознаніе. Этотъ фактъ по моему сильнѣе всего свидѣтельствуетъ о недостаточности сравнительно-исторической разработки обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что въ настоящее время мы пожалуй не можемъ и мечтать о рисовавшейся прежде нашему воображенію картинѣ, а должны всѣ свои силы направить на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Это положеніе не ново. Его высказалъ напр. Шра-

дерь, въ упомянутой уже книгѣ. Но высказывается это тамъ нѣсколько иначе и при томъ такъ, что по моему мнѣнію все значеніе этого положенія теряется. На стр. 351 Шрадеръ говоритъ: «Мы будемъ.. исходить изъ результатовъ сравнительнаго языкознанія... Но такимъ образомъ мы исполнили только половину нашей задачи. Прежде всего вопросъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ историческомъ преданіи индоевропейцевъ найти остатки первобытной жизни, на которые указываютъ факты языка. Къ сравнительному языкознанію при изслѣдованіи праиндоевропейской исторіи должно присоединиться сравнительное изученіе старины» (*vergleicheude Alterthumskunde*). Здѣсь, слѣдовательно, за языкознаніемъ признается руководящая роль, которой оно по моему никогда не можетъ имѣть. Это, конечно, не лишаетъ его того значенія, которое оно должно имѣть въ ряду другихъ фактовъ, но мы не можемъ предпочитать факты языкознанія другимъ прямымъ свидѣтельствамъ.

Я сдѣлалъ это небольшое введеніе для того, чтобы выяснитъ ту точку зрѣнія, съ которой долженъ оцѣнивать изслѣдователь индоевропейской культуры памятники отдѣльныхъ народовъ, служащіе источниками нашихъ свѣдѣній объ индоевропейской культурѣ. Съ этой именно точки зрѣнія мы и будемъ оцѣнивать одинъ изъ важныхъ источниковъ древне-индійской культуры, именно грихья-сутры, т. е. правила домашняго ритуала. Совершенно понятно, что мы должны прежде всего обратить вниманіе на условія, среди которыхъ сложился этотъ разрядъ памятниковъ. Грихья-сутры относятся къ тому періоду древне-индійской жизни, который обыкновенно называется періодомъ сутрь. Онъ характеризуется появленіемъ сборниковъ краткихъ правилъ (*sūtra* и значить «нить, правило»), касающихся всѣхъ сторонъ индійской частной религіозной и общественной жизни. Сборники эти представляютъ своды по возможности всего того, что было выработано предшествующей культурой. Составлены были они учеными по тому времени брахманами. Это обстоятельство оказало довольно сильное вліяніе на наши памятники. Въ этой частѣ жрецовъ сосредоточивалась вся тогдашняя наука, въ ней же развилась довольно рано религіозная философія, философія жертвы. Эта философія оказывала сильное вліяніе на религію индусовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Мы конечно не можемъ сомнѣваться, что существовали кромѣ того и другія религіозныя теченія, живѣе сохранившія старыя преданія, но вообще вліяніе брахманства несомнѣнно. Само оно дѣлилось на множество различныхъ толковъ, но это дѣленіе не основывалось на какихъ-нибудь коренныхъ различіяхъ, а ограничивалось только разницей въ мелочахъ обрядовой стороны религіи. Однимъ

словомъ брахманство очевидно перерабатывало старинные предметы религіи по своимъ философско-религіознымъ воззрѣніямъ. Прimitивная брахманская философія вѣчно не могла достигнуть полной независимости отъ стариннаго преданія, которое и давало матеріалъ для ихъ размышленій. Такимъ образомъ она старается разяснить преданіе, придать тотъ или другой смыслъ обряду. Конечно о систематическомъ объясненіи всѣхъ обрядовъ не можетъ быть и рѣчи; но несомнѣнно, мнѣ кажется, работа мысли связывалась также и въ томъ, что нѣкоторые обряды отвергались, если казались несоотвѣтствующими, противорѣчащими какому-нибудь положенію. Попытки эти вообще рѣдки и робки, въ особенности въ самый древній періодъ, но такіе факты, какъ появленіе буддизма, джайнизма и другихъ противныхъ брахманству свѣтъ, дошедшихъ до отрицанія древнихъ божествъ свидѣтельствуютъ о развитіи этого духа критики и отрицанія. Таково направленіе дѣятельности брахмановъ въ философско-религіозной области. Въ области жизни общественной вліяніе ихъ сказывалось въ дружномъ отстаиваніи своего первенства между всѣми другими кастами и въ неустанномъ и беззащитивомъ выставленіи себя на первый планъ, требованіи себѣ всевозможныхъ даровъ и приношеній. Во всемъ видны слѣды той мирной борьбы, которую вели брахманы противъ другихъ кастъ. Они сознательно стремились къ захвату въ свои руки всей религіозной области, которая тогда сплеталась многочисленными нитями со всѣми другими сферами жизни. Брахманы проповѣдовали, что они нужны вездѣ, что безъ нихъ не можетъ обойтись никто, такъ какъ они одни—хранители всѣхъ знаній вообще, и въ особенности знанія, какъ нужно приносить жертву, безъ которой не обходился ни одинъ даже самый обыденный случай жизни. Такимъ образомъ главный пунктъ, на который направлялась ихъ атака, была жертва: завоевавши этотъ пунктъ легко можно было управлять и главенствовать во всѣхъ другихъ сферахъ. О сознательности такихъ завоевательныхъ стремленій свидѣтельствуетъ напр. тотъ фактъ, что брахманы дѣйствовали дружно, и если одинъ брахманъ почему-либо отказывался совершить жертвоприношеніе для индуса, то ни одинъ другой брахманъ уже не соглашался совершать для него жертвоприношенія. Конечно не честолюбіе было главнымъ двигателемъ этихъ завоевательныхъ стремленій: мы имѣемъ множество неопровержимыхъ доказательствъ того, что такимъ двигателемъ было корыстолюбіе. Уже въ Ригъ-ведѣ мы находимъ насмѣшки надъ брахманами, которые подобно плотникамъ, ищущимъ, не прогнилъ-ли гдѣ-нибудь домъ, высматриваютъ, не найдется-ли кто, кому нужно было-бы совершить торжественное жертвоприношеніе. И во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы находимъ прославленіе особенно щедрыхъ къ брахманамъ лицъ, а

описанія жертвенныхъ ритуаловъ никогда не забываютъ прибавить, что долженъ получить за такую то жертву брахманъ, при чемъ обыкновенно предупредительно разрѣшается давать и больше. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очевидно имѣющихъ въ виду менѣе богатыхъ жертвователей, разрѣшается давать и меньше, но давать все-таки необходимо. Я остановился на этой характерной чертѣ брахманства потому, что она особенно рѣзко сказывается въ грихья-сутрахъ, и имѣетъ для насъ значеніе при критикѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы получаемъ изъ этого памятника. Первое, что подпало подъ власть брахманства, были наиболѣе торжественныя жертвоприношенія, а именно жертвоприношеніе сомою, которое такъ прославлено въ Ригъ-ведѣ. Завоеванія свои брахманы распространяли захватывая въ свои руки прежде всего руководство въ подобныхъ торжествахъ. Изъ случаевъ частной жизни отдѣльнаго человѣка, какъ кажется, прежде всего стали соединяться съ жертвоприношеніемъ сомою—свадьба и погребеніе (см. Oldenberg, Sacred Books of the East. vol. XXX introd. стр. X). Такимъ образомъ брахманы уже проникли въ частную жизнь. При дальнѣйшихъ ихъ захватахъ труднѣе всего давалась имъ въ руки повседневная жизнь человѣка. Здѣсь они болѣе всего были связаны преданіями, переходившими по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Бороться съ ними имъ было не подъ силу, и они ограничивались только тѣмъ, что стремились, и иногда съ успѣхомъ, присвоить себѣ то или другое мѣсто въ этомъ домашнемъ ритуалѣ. Въ грихья-сутрахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія, что для такого-то обряда долженъ быть приглашенъ брахманъ, но ему предписывается только слѣдить за правильностью совершенія обряда и получить за это подарокъ. Въ такихъ случаяхъ совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ насильственнымъ захватомъ брахманами того мѣста, которое прежде принадлежало главѣ семьи; это тѣмъ болѣе ясно, что сами брахманы признавали существованіе различій между обычаями различныхъ родовъ, слѣдовательно ихъ руководство есть только довольно прозрачная придирка къ случаю. Грихья-сутры, обыкновенно предписываютъ угощеніе брахмановъ, смотря по средствамъ домохозяина, послѣ всякаго обряда домашняго культа (Gobh. I, 1, 6); между тѣмъ мы знаемъ, что большинство домашнихъ обрядовъ совершалъ хозяинъ дома самъ. Такое же вторженіе брахмановъ мы видимъ въ слѣдующемъ предписаніи грихья-сутры, приписываемой ученому Āpastamb'ѣ: «Женихъ долженъ послать нѣсколькихъ друзей (для сватовства), знающихъ веды», т. е., конечно, брахмановъ. Комментаторы этого правила прибавляютъ, что за неимѣніемъ брахмановъ, можно послать и другихъ друзей—не брахмановъ (см. Āp. 4, 1, и Winternitz Das Altindische Hochzeitsrituell S. 21, 39). Вообще для насъ огромную важ-

ность имѣютъ такія уступки, какъ на примѣръ только что упомянутая. Какое значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ предписаніе сутры, если разрѣшается въ концѣ концовъ поступать, какъ хочешь? Это опять таки одинъ изъ обыкновенныхъ приѣмовъ брать подѣ свое покровительство совершеніе обряда. И такъ во всемъ: на все брахманъ хочетъ наложить свою руку. Но домашній ритуаль оказывается имѣ довольно сильное сопротивленіе именно въ силу своего частнаго характера, въ силу того, что этотъ ритуаль былъ неразрывно связанъ съ преданіями даннаго рода, куда брахманъ не могъ ворваться уже потому, что онъ не принадлежалъ къ этому роду. Поэтому здѣсь онъ ограничивался только ролью ассистента и старался по мѣрѣ силъ подѣ тѣмъ или инымъ предлогомъ урвать свою долю. Къ такимъ неразрывно съ родомъ связаннымъ обрядамъ домашняго культа относилось и почитаніе предковъ. Брахманъ не могъ совершать этихъ обрядовъ, потому что не принадлежалъ къ роду, не былъ потомкомъ тѣхъ лицъ, кому приносилась жертва; но, не будучи потомкомъ, онъ ухитрился изображать самихъ предковъ. Между обрядами культа предковъ мы находимъ обрядъ, называемый *egāddha*, въ которомъ предкамъ приносятъ въ жертву пищу; но здѣсь въ качествѣ предковъ фигурируютъ брахманы, которые и сѣдѣютъ приносимую пищу. Слѣдовательно, и здѣсь брахманъ появляется въ видѣ позднѣйшаго украшенія обряда. Ольденбергъ въ уже цитированномъ выше введеніи къ своему переводу грихья-сутръ (стр. XXI) предполагаетъ, что многіе обряды, изложенные въ грихья-сутрахъ, были, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, первоначально совершаемы только въ томъ случаѣ, если совершающій ихъ надѣялся такимъ путемъ достигъ какихъ нибудь особенныхъ преимуществъ. Предположеніе это очень вѣроятно для нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ грихья-сутрахъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ отдѣлы, гдѣ говорится о жертвахъ, соединенныхъ съ особенными желаніями, и эти жертвы легче всего было взять подѣ свое покровительство брахманамъ. Въ виду всего того, что было раньше сказано о дѣятельности брахмановъ, мнѣ кажется, что мнѣніе Ольденберга нужно измѣнить слѣдующимъ образомъ: не совершающій жертву надѣялся получить особенныя выгоды отъ даннаго способа принесенія жертвы, а брахманы распространяли ту мысль, что они знаютъ особенно благодѣтельные способы принесенія жертвы. Очень вѣроятно, что именно такимъ путемъ удалось брахманамъ отвоевать нѣкоторыя области домашняго культа.

И такъ при разборѣ данныхъ, добытыхъ изъ грихья-сутръ, мы всегда должны отдѣлять позднѣйшее—брахманское отъ стараго, перешедшаго по преданію. Конечно самое брахманство, его раздробленіе на разнообразныя школы и взаимное отношеніе школъ между собою—все это можетъ составлять.

предметъ изслѣдованія, но для изслѣдованія индоевропейской бытовой культуры вопросы эти интересны постольку, поскольку они научаютъ его отдѣлять старое отъ новаго, т. е. раскрываютъ древнѣйшую доступную намъ исторію обряда на индійской почвѣ. Такимъ образомъ для такого изслѣдователя наиболѣе цѣнными оказываются именно тѣ памятники, гдѣ старое сохраняется въ наибольшей чистотѣ и гдѣ его легче всего отдѣлить отъ новаго. Мы видѣли, что грихья-сутры и въ томъ и въ другомъ отношеніи представляютъ большія преимущества передъ другими памятниками. Относительно того, что онѣ сохранили въ себѣ очень древнія преданія, мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, даже прямое указаніе. Грихья-сутра *Āpastamb'ya* въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «обычаямъ нужно научиться отъ женщинъ» (Ap. 2,15). (Здѣсь говорится специально о свадебныхъ обычаяхъ; но то же примѣнимо и ко многимъ другимъ отдѣламъ грихья-сутръ). Понимать это нужно въ томъ смыслѣ, что тѣ обычаи, для которыхъ нѣтъ особыхъ предписаній въ сутрахъ, остаются въ полномъ распоряженіи самихъ совершающихъ обрядъ. Главными же носителями преданій являются женщины, и потому брахманъ совѣтуетъ учиться обычаямъ у нихъ. Но несомнѣнно, что и сами брахманы, предписывавшіе извѣстные обряды, учились имъ у женщинъ: иначе они не давали бы такой рекомендаціи. И въ этомъ я вижу несомнѣнное доказательство того, что брахманство сохранило домашніе обряды въ наибольшей чистотѣ: оно само признало здѣсь своимъ источникомъ преданіе.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу, какой именно фактическій матеріалъ даютъ грихья-сутры. Для этого намъ нужно сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Грихья-сутры дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ, принадлежащихъ различнымъ брахманскимъ школамъ. Но не смотря на это ихъ содержаніе во всѣхъ редакціяхъ одно и то же. Конечно существуетъ различіе въ большей или меньшей подробности описанія обрядовъ, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ, которыя быть можетъ основывались на разнообразіи мѣстныхъ обычаевъ, наконецъ главнымъ образомъ въ порядкѣ распредѣленія матеріала. Но все это нисколько не нарушаетъ тождественности ихъ содержанія, обусловленной главнымъ образомъ всеобщимъ распространеніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Даже порядокъ изложенія, при многочисленныхъ отклоненіяхъ, остается всетаки въ существѣ тѣмъ же: обыкновенно описываются обряды въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны располагаться въ жизни самостоятельнаго домохозяина. Разница заключается только въ томъ, что одна редакція принимаетъ одну, другая другую исходную точку въ жизни человѣка. Такъ однѣ сутры начинаютъ изложеніе со свадьбы, другія—со времени обученія мальчика. Въ зависимости отъ этого части переставляются конечно, но по-

рядокъ ихъ въ сущности не нарушается. Для того чтобы дать представление о содержаніи грихья-сутръ, разсмотримъ подробнѣе содержаніе одной изъ нихъ, именно приписываемой брахману Gobhila и принадлежавшей къ школѣ Sāma-веды.

Сутра начинается съ самыхъ общихъ опредѣленій о томъ, когда можно совершать домашніе обряды, т. е. какіе дни и мѣсяцы считаются благопріятными для этого, какъ долженъ держать себя совершающій обрядъ. Всякій домашній обрядъ соединенъ съ опредѣленнымъ даромъ брахманамъ и за нимъ слѣдуетъ угощеніе брахмановъ. Такъ какъ всѣ домашніе обряды соединены съ жертвой, для которой необходимъ домашній огонь, то за этими общими предписаніями слѣдуетъ описаніе обряда разложенія огня. Его разводитъ человекъ, окончившій ученіе, когда онъ собирается вступить въ бракъ. На этомъ домашнемъ огнѣ совершаетъ домохозяинъ свои ежедневныя утреннія и вечернія жертвы. Жертвы эти состоятъ въ приношеніи приготовленной или не приготовленной пиши въ даръ вечеромъ—огню, а утромъ—солнцу. Ихъ могла совершать и жена домохозяина. Послѣ принесенія этихъ жертвъ, жена говоритъ, что ѣда готова, и домохозяинъ молча совершаетъ приношенія различнымъ низшимъ божествамъ, которымъ предписываетъ давать часть отъ всякой пиши, даже специально приготовленной для приношенія предкамъ. Далѣе въ такимъ же постояннымъ жертвоприношеніямъ относятся и совершаемыя въ дни новолунія и полнолунія. Въ самый день новолунія и полнолунія хозяинъ и его жена должны поститься: иначе ихъ жертва не достигнетъ цѣли, они не будутъ любезны людямъ, и ихъ потомство будетъ становиться все хуже и хуже. Слѣдующую ночь они должны провести на голой землѣ цѣломудренно и не спать все время, а частью спать, частью проводить время въ чтеніи благочестивыхъ разказовъ. Затѣмъ послѣ обычной утренней жертвы, но до полудня, приносится торжественная жертва, для которой приглашаются брахманы. Жертва готовится изъ растопленнаго масла, сезамоваго масла, кислаго молока и сладкаго молока или каши изъ зеренъ съ медомъ. Жертва приносится съ особою обстоятельностью и повторяется отъ двухъ до пяти разъ. То, что остается отъ жертвы, хозяинъ отдаетъ брахману. Про эту жертву говорятъ: «я буду доволенъ тавъ, какъ будутъ довольны брахманы», и потому хозяинъ долженъ стараться хорошимъ угощеніемъ привлечь на свою сторону брахмановъ (Gobh. I, 9, 3 5). Кромѣ того за это жертвоприношеніе брахману полагается полная мѣра приготовленной или неприготовленной пиши. Можно давать и больше, напр. нѣкій Судасъ сынь Пиджаваны далъ сто тысячъ мѣръ. Въ случаѣ, если хозяинъ не можетъ достать жертвенной пиши или необходимаго для жертвы брахмана, онъ можетъ совершить жертву и позд-